

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316

О. В. Каштанова

СЧАСТЬЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РАБОТАХ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ

Ключевые слова: человеческие взаимоотношения, этика, духовность, чувства, счастье, одиночество.

Статья посвящена философскому осмыслению категории счастья. Сделана попытка ответить на вопрос о том, в чем заключается хорошая жизнь и к чему человеку следует стремиться в первую очередь. Проанализированы возможные причины осознанного или неосознанного воспроизведения человеком траектории своего жизненного пути, движение по которому способно привести его к счастливой жизни.

Keywords: human relations, ethics, spirituality, emotions, happiness, loneliness.

The article is devoted to philosophical reflection on the category of happiness. Attempts to answer the question of what is the good life, and what a person should strive for in the first place. The possible causes of conscious or unconscious person playing the trajectory of his career, the movement to which it can lead to a happy life.

Каждый из нас хотя бы раз в жизни задумывался о счастье. Представление о нем и способы его достижения у каждого свои. Для одного счастье – достижение желаемого благополучия, для другого – близость и радость встреч, осознание нужности и востребованности, для третьего – полнота и осмысленность собственной жизни. Счастье – есть некий идеал, реализованный в чем-то конкретном. Оно есть благо, необходимость которого признают все. Именно поэтому человек осознанно или неосознанно воспроизводит своеобразную траекторию жизненного пути, движение по которому способно привести его к его счастливой жизни. В зависимости от того, как он понимает назначение и смысл собственной жизни, происходит и понимание им счастья.

Согласно философскому энциклопедическому словарю, счастье – понятие морального сознания, обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения [12;667-669].

Вопрос о счастье — вопрос, прежде всего о том, в чем заключается хорошая жизнь и к чему человеку следует стремиться в первую очередь [2].

Как философская категория счастье представлено в работах философов разных периодов истории. Нас же интересует только античный период.

Древние трактаты выстроены в виде диалогов между философом с простолудином, в которых дается разное понимание счастья мудрецом и человеком из массы, из толпы.

В античных текстах счастьем называется высшее состояние радости, удовлетворение сильно-го желания, радости достижения заветной цели.

Счастье понимается по-разному в силу различия желаний и целей людей. Другими словами, мнений о счастье в произведениях античных авторов можно встретить столько, сколько и людей, пишущих и думающих об этом предмете.

Часто эти мнения наивны, но вполне по-человечески понятны и современным людям, ибо

кто не хочет быть счастлив. Стремление к исполнению желаний, к покою, радости и благополучию понятно всем и без слов. Но вот как быть с этическими нормами.

И здесь через противопоставления и столкновения философы подробно рассматривают пары: счастье и судьба, счастье и удовольствие, счастье и власть.

И, как правило, в процессе своих рассуждений мудрецы приходят к парадоксу. Счастье и несчастье – соседи, две стороны одной медали.

В то время философами выдвигалась идея освобождения человека от власти внешнего мира и не включенность его в общественное целое. Такова была в значительной мере идея гедонистов и эвдемонистов, стоиков, эпикурейцев, а также киников.

Кратко рассмотрим учение и историю гедонизма.

В античности сложились два разных типа гедонизма. Автором одного был Аристипп, другого – Эпикур. Это были два полюса, между которыми прошла история гедонизма.

Водораздел проходил в двух измерениях. Были различия практического характера и различия между эгоистическим и неэгоистическим пониманием гедонизма.

Суть различий практического характера заключалась в следующем: удовольствие является единственным благом, но вот стоит пользоваться каждым удовольствием, которое возможно получить, или следует считаться с последствиями и выбирать только те удовольствия, которые не влекут за собой неприятностей.

Гедонистическая позиция, сформулированная Аристиппом, в качестве первоосновы сущего ставила принцип приоритета плотских удовольствий над всеми другими [1;209]. Последние в данном случае считались высшим благом и смыслом жизни. Их максимальное достижение и есть счастье, к которому необходимо стремиться.

Философ считал единственным благом только собственное, физическое, преходящее удовольствие независимо от того, что его вызвало.

Жизненные правила Аристиппа состоят в том, что необходимо заботиться только о том, чтобы как можно больше познавать удовольствия. Поскольку «удовольствие отличается от другого удовольствия только тем, что одно приятнее другого», то нет удовольствий низшего или высшего порядка. Ничто не способно сдерживать человека в его стремлении к удовольствию. Все, что вне его, оставляет человека равнодушным. Поэтому по Аристиппу жизнь могла бы быть очень простой: наслаждайся сегодняшним днем, используй все удовольствия, особенно физические, не беспокойся о жизни и не сдерживай себя никакими правилами.

После Аристиппа осталась школа, называемая киренской, хотя ее ученики, верные принципу гедонизма, все же не сохранили его крайней формы. Они шаг за шагом отказались от его маргинальных тезисов и сделали гедонизм более умеренным. Заменяли жизненную программу по Аристиппу на программу осмысленного подбора более продолжительных и возвышенных удовольствий. Эта новая программа считается с требованиями добродетели и мудрости. Выполнение ее способно ограничить страдания и сделать жизнь более приятной.

Позднейшие представители гедонизма по Эпикуру ввели понятие пользы и понимали ее как удовольствие, гарантированное от нежелательных последствий. Так понимаемая польза дала название типу гедонизма – «утилитаризм», а термин «гедонизм» остался за типом, разработанным киренаиками.

Различие между эгоистическим и неэгоистическим пониманием гедонизма проявилось в его истории.

Гедонизм признает удовольствие единственным благом. Однако это может быть или только собственное удовольствие, или также удовольствие, которое познает кто-либо другой. Те, кто держался первого типа, полагали, что каждый знает лишь собственное удовольствие и только его может оценить. Сторонники второго типа, в свою очередь, считали, что если собственное удовольствие является благом, то таковым должно быть и каждое удовольствие, испытываемое другими.

Эгоистический гедонизм имеет две разновидности. Одна из них постулирует: если благом является лишь собственное удовольствие, то только о нем следует заботиться. Другая разновидность провозглашает: поскольку собственное удовольствие связано с чужим, то и о нем следует заботиться, то есть целью для нее является только собственное удовольствие, а чужое служит лишь средством.

Гедонизм древних будучи по своей сути эгоистическим исторически развивался от радикальной разновидности к умеренному типу.

Утилитарные теории являются развитием гедонистических. Гедонизм киренаиков существовал в чистом виде только в самом начале своего развития.

Например, один из представителей данной школы – Гегесий даже приходил к отрицательным результатам: удовольствие либо недостижимо, либо обманчиво, а возможно и ничтожно мало по сравнению со страданием.

Благоразумие, по мнению Гегесия, не может обеспечить счастья, потому что мы не имеем истинного познания о вещах и легко можем обманываться во всех своих расчетах. Если же счастье недостижимо, то безумно к нему стремиться. Необходимо ограничиться свободой от страдания, а это всего лучше достигается равнодушным отношением ко всему. Реагировать негодованием в ответ на чье-либо преднамеренное или непреднамеренное поведение, значит нарушать свое душевное спокойствие. Когда же невозможно достигнуть равнодушия и страдание оказывается нестерпимым, то не стоит жить.

Впоследствии Гегесия как автора труда «Смерть посредством голодания» и красноречиво доказывающего бедственность жизни и утешительность смерти, прозвали «подстрекающим к смерти».

К гедонистическим учениям стоит отнести также эвдемонизм, кинизм.

Киниками обосновывалась идея особого образа жизни человека – вне связи с обществом, налагающим на него чуждые и враждебные обязанности, а также пропаганда свободы от устоявшихся нравственных норм и добровольное одиночество.

Основатель школы Антисфен Афинский высказывался о наилучшей жизни, заключающейся в избавлении от условностей, в свободе от обладания лишним и бесполезным. Он утверждал, что для достижения блага стоит жить, сочетая в себе простоту жизни, следование собственной природе и презрение к условностям.

Счастливая жизнь, по мнению Антисфена, достигается отстраненностью от того, что не является предельно необходимым для жизни человека, способностью к независимому существованию и самоограничению.

Один из его последователей – Диоген Синопский – утверждал, что одинок тот, кто не свободен, поскольку именно несвобода – показатель излишней привязанности к жизни и к тем благам, которые может получить человек. Приводя себя в пример, он говорил, что его свобода – путь к счастью, которое есть состояние радости, покоя его разума и души и поэтому он не печалится о меньшем или большем. Последнее приобретает у Диогена статус своеобразной проблемы человеческого существования, поскольку люди в погоне за достатком и материальным благополучием забывают о том, что истинно может пригодиться им для счастливой жизни. Люди излишне изнежены, обременены страстями и порой чрезмерно устремлены к богатству. Они настолько привязаны к жизни и так сильно стремятся ее продлить, что своими поступками способствуют возникновению обратного эффекта: в большинстве своем они не доживают до старости, страдая многочисленными болезнями. В этом человек, по мнению Диогена, несчастнее даже животных.

Эвдемонизм также признавал стремление человека к достижению счастья в качестве основы его поведения. Счастье связывалось с обладанием добродетелью.

Эвдемонизм утверждает о счастье то, что гедонизм об удовольствии: счастье обладает большей ценностью по сравнению со всем остальным.

Однако эвдемонизм играет со значением слова «счастье». Эвдемонизм употребляет слово «счастье» в разных значениях. То слово «счастье» означает интенсивное удовольствие, то – благополучную судьба, то – совершенство человека, то – жизнь, которой он удовлетворен. И каждое значение слова «счастье» есть другая теория.

Согласно Платону, сам человек, а точнее его способ восприятия мира, сформированный под воздействием случайных или намеренно созданных обстоятельств, оказывает влияние на стиль его жизни и манеру поведения в дальнейшем. В таком случае, философ спрашивает себя, что же делает человека лучше. Ответ на поставленный вопрос Платон находит в высказываниях Сократа, утверждавшего, что человеку не следует заботиться о делах своих раньше и больше, чем о себе самом [4,70-97] в вопросе самосовершенствования. В таком случае, необходимо «выйти за пределы» рамок материальной зависимости, благополучия и комфорта и посвятить свою жизнь служению добру и справедливости. Именно в этом случае возможно достижение истинного блага, как для самого человека, так и для всего общества.

Благо, по мнению Сократа, есть то, ради чего люди совершают те или иные действия, не всегда задумываясь над тем, делают ли они его счастливым или нет. На вопрос о том, кого следует считать счастливым, Сократ отвечает - достойного и честного, чьи помыслы и действия не являются не справедливыми, а потому и не считаются творением зла.

Характеризуя сказанное, Сократ проводит градацию счастливых людей. На высшей ее ступени стоит человек, «...душа которого не затронута злом. Далее – тот, кто терпит зло и избавляется от него и лишь потом идет тот, кто остается несправедливым и не избавляется от зла» [5, 477-575] и именно он, по мнению Сократа, самый несчастный человек на свете.

Это несчастье сравнивается с больным телом, отягощенным самыми страшными болезнями, возникающими ввиду ведения человеком неправильного образа жизни, безудержного накопления им богатств, а также с вредом от внедрения в обществе законов, лоббирующих интересы и выгоды меньшинства, расточением похвал и порицаний людям, стремлением самому быть выше и лучше других. Все это способно привести к тому, что станет еще хуже, тогда зачем, по мнению Сократа, вообще жить... «раз жизнь от этого становится непригодной...» [5, 477-575].

Что же касается одиночества, то оно, по мнению Сократа, есть неумение владеть собой, не воздержанность, а также неспособность действовать так, как велит благоразумие и справедливость. Кроме того, одиночками можно считать и тех, кто, поддаваясь стереотипам поведения и установкам «вла-

стного меньшинства», поступает «вопреки чему-либо» из-за страха оказаться не тем, кем нужно и кем тебя не ожидают увидеть. В таком случае, одиночество также есть результат противоборства сильных и слабых социальных сил, первыми из которых являются действия под влиянием неких искусственно привитых образцов поведения, вторыми – действия, диктуемые разумом. К сожалению, вторые, по мнению Сократа, являются наиболее уязвимыми.

В работах Платона одиночество представлено как следствие дисгармоничности социальных отношений, потери общественной солидарности, как зло, избавление от которого следует искать в сближении с другими для наслаждения благом дружбы и любви. Последние категории в понимании Платона [6, 81-134] - ограничитель неблагоприятных поступков, разоблачение и порицание которых близкими и любящими человека людьми воспринимается тягостнее любого самого тяжелого наказания.

Платон представлял любовь как неумное стремление к целостности и неразрывности существования мужского и женского начала. Прежде... мы были чем-то единым, а теперь из-за нашей несправедливости мы поселены богом порознь... и вынуждены находиться вне близкой связи со своей половинкой, частичкой своего «Я» и стремиться к целостности и бытийности своего существования, к тому, что сейчас мало кому удастся [6, 81-134].

Для Аристотеля счастье - совершенная деятельность и добродетельное поведение, доставляющая человеку удовольствие и удовлетворение собой.

В этом смысле счастливый человек - обладатель доброго и прекрасного.

Аристотель считал, что счастье есть обладание тем, что всего ценнее. Если самое ценное – знание, то счастлив тот, у кого оно есть, если же самым ценным является деятельность, то счастлив человек деятельный. В таком случае счастье не есть только удовольствие и везение. Счастливая жизнь обычно бывает приятной и удачной. Тот, кто обладает какой-либо ценностью, доволен. Удовлетворение же естественное следствие счастья, но не как его сущность. Человек счастлив не тем, что доволен, но доволен тем, что счастлив.

Подобное понимание счастья надолго закрепилось в этических работах философов поздних периодов. В частности, все споры о счастье стали включать вопросы о благах, необходимых для счастья.

Сам Аристотель считал, что для него необходимы различные блага. Чтобы быть счастливым, человек не может быть ни слишком уродливым, ни низкого происхождения, ни слабым и больным, ни нищим, ни одиноким, лишенным семьи и друзей; только сочетание различных благ составляет основу счастья человека [7;62].

Кроме того, Аристотель, желая выразить полное счастье, дополнял его блаженством. Тех, кто достигал его, он называл «счастливыми и блаженными». В том случае, когда человека преследует злая судьба и отбирает у него внешние блага, то, даже обладая другими наивысшими благами (в слу-

чае болезни и одиночества), он не познает блаженства. Он познает первое, но не второе.

Таким образом, счастье есть совокупность благоприятной судьбы, блаженства, удовлетворения жизнью, а также обладание наивысшими благами [7;64-66].

Этика Эпикура способствует выдвижению предположения о первичности интересов человека по отношению к требованиям и нуждам общества.

Эпикур видит общество как справедливый союз людей, взаимодействующих на основе некоего договора о полезном — «с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» [13, 216-217]. Вообще, идея справедливости отражена у Эпикура везде, где освещаются этические вопросы. Она есть необходимый критерий достойного существования и общества в целом и отдельного человека в нем. Она — все то, что служит пользой взаимному общению людей, которые строятся исходя из субъективных желаний, соображений пользы и удовольствия.

Подобные этические вопросы отражены не только у Эпикура, но также в работах Демокрита [3,664]. Суждения последнего оказали существенное влияние на убеждения Эпикура и легли в основу его утверждений о счастье, удовольствии и справедливости.

Удовольствие для Эпикура — верный способ устранения печали и страданий — безграничное по времени и по объему, то, что способно сделать нашу жизнь совершенной даже тогда, когда нас уже нет. Оно есть начало и конец счастливой жизни. Такова приятная жизнь, рожденная не развратом и чревоугодием, а разумом, нравственностью и справедливостью, трезвым рассуждением и благоразумием, величайшим из благ, позволяющим человеку жить, как богу среди людей [15,212-216].

Также рассуждает и Демокрит, говоря о необходимом для человека: душевной радости и благом состоянии духа. Первая способна возникнуть благодаря умеренности в удовольствиях и размеренной жизни, вторая — благодаря спокойствию и равновесию, не волнуемая никакими страхами и переживаниями [3,366-378].

Счастье, по мнению Эпикура [15,208-209], есть благо, дарующее нам все необходимое. При его отсутствии человек делает все, чтобы его иметь.

Для Демокрита счастье в умеренности имеющихся благ и в спокойствии души, свободной от страхов. Оно способно возникнуть в результате разграничения и отбора радостей, что уже само по себе ценно. Ценность в редкости, что само по себе увеличивает радость и приумножает удовольствие.

Дружба важна для осознания себя счастливым человеком. Ее наличие желанно не столько при просьбе помощи, сколько в самой уверенности ее получения. Для Демокрита дружба есть единомыслие.

В поиске ответа на то, что есть человек [14,182-184], Эпикур приходит к следующему: человек — неразрывный союз тела и души. Душу же Эпикур понимает как некую совокупность тонких частиц, рассеянных по всему организму.

Такое представление души Эпикура берет свое начало от атомистических рассуждений Демокрита. Пример одного из таких утверждений Демокрита: душа — шарообразные атомы, вызывающие движение живых существ [3,314].

Именно душа позволяет человеку, по мнению Эпикура, эмоционально реагировать на все происходящее. Отсутствие способности чувствовать — верный признак разрушения оболочки души или рассеивания какого-то количества ее частиц. Чрезмерный страх, страдание или же «нахлынувшее» счастье также вызваны движением частиц души.

Страдание человека для Эпикура есть смятение в его душе, возникающее при переносе мифических сюжетов в настоящую жизнь, замене реальных событий вымышленными, принятии выдуманных переживаний и ощущений за истинные.

Для Демокрита источник человеческих страданий душа-копилка несчастий, со свойством накопления и выплескивания вовне разнообразных страстей.

Единственный способ избавления от страдания — размышление о причинах возникновения того или иного явления и подобающее отношение к чувствам и переживаниям как всех людей, так и отдельного человека.

Соответствующее поведение способно привести, по мнению Эпикура, к состоянию безмятежности и покоя.

Одиночество для Эпикура естественно, а иногда даже необходимо. Совместно с благоразумием и нравственным поведением оно способствует совершенствованию ума и приводит к безмятежной жизни.

В обществе одиночество — один из способов защиты себя от недружественных нападков других людей, отчуждающих все, что отклоняется от принятой «нормы».

Так, Эпикур утверждает, что люди, все время близко соприкасаясь со своими собственными добродетелями, к подобным себе относятся хорошо, а на все, что не таково, смотрят, как на чуждое [16,209].

Для Демокрита одиночество непереносимо. Общество возникло ввиду осознанной необходимости оказания помощи людьми друг другу. Другой вопрос, что общество, в процессе исторического развития изменяясь, способно породить одиночество — как форму ухода от пороков, нахождения иного пути к обретению добродетели [3,351-352].

Римские философы стоики считали, что истинным смыслом человеческого существования является поиск пути к добродетельной жизни через познание самого себя и своих взаимоотношений с другими.

По мнению Сенеки [8,40-64] человек должен приобретать необходимую систему знаний и навыков на протяжении всей жизни. Однако большинство людей вопреки здравому смыслу, во-первых, предпочитают принимать что-либо на веру и не рассуждать. О собственной жизни у них нет суждений, только чье-либо поведение, принимаемое ими за образец. Если же какой-то человек все же

осмелится выделиться из толпы, стать заметным благодаря чему-либо, он тут же становится объектом для порицания и насмешек.

Во-вторых, люди привыкли доверять первому встречному самое сокровенное, лишь бы он слушал. Либо не верить никому, даже самым близким или самому себе. И те и другие стараются избежать одиночества. Первые оптимистичны. Они ищут возможность для сближения, доверяя всем, как себе. Пессимизм вторых основан на страхе одиночества и единения с собой [9,9-12].

В- третьих, люди боятся и надеются, предвосхищают и тревожатся одновременно. Люди не умеют адекватно воспринимать настоящее, а также сопоставлять прошлое и будущее, боятся всего, что могло бы и не могло случиться.

В- четвертых, они возводят ореол вокруг материального благополучия, достатка и обесценивают себя на его фоне. Подобные действия наносят наибольший урон и способны довести до безумия тогда, когда мысли человека направлены на размышления о возможной утрате достатка. В таком случае, жизнь для него – постоянная гонка за средствами к жизни вместо нее самой. Он безуспешно спешит догнать то, что ускользает от него, откладывает жизнь в надежде вернуться к намеченному ее отрезку и прожить достойно.

В- пятых, люди воспринимают жизнь по-разному.

Сенека[10,16-40] убежден, что для одних она слишком коротка, чтобы что-то в ней успеть. Они проживают ее в надежде на полезность для других, тем самым без малейших колебаний жертвуют ей, не осознавая всей ценности своего пребывания на земле. Они растворены в желаниях и прихоти других, страшатся своего одиночества и готовы обменять жизнь на мнимый союз с другими. Такие люди сами с собой ни минуты побыть не в силах.

Другие, наоборот, оставив все и поднявшись выше людских предрассудков, тратят все отпущенное им время на свободу и независимость. Они легко жертвуют связями и близостью в обмен на возможность уединиться и посвятить свободное время тому, чтобы «научиться жить».

Третьи, напротив, овладевают мастерством приспособления к социальной среде настолько, что порой не отличить истинность и искренность их поступков и речей от ложных. Ими движет неоспоримое желание забраться и закрепиться на определенном пьедестале для приобретения желаемого статуса и роли.

Таким образом, одиночество человека, по мнению Сенеки, есть некая обедненность его внутреннего мира, в котором пороки, главенствуя над ним, провозглашают верховенство страстей и отчуждение от истинного блага – самого себя.

Другой представитель философии стоиков, Марк Аврелий, вводит понятие «единое Целое». Он описывает его как общее руководящее начало, элементы которого расположены в определенном порядке, взаимосвязаны и следуют друг за другом.

Движение внутри Целого - бесконечный, непрерывный поток сменяющих друг друга событий

по определенному кем-то заданному кругу. Все имеет свое начало и свой конец.

Человек – часть Целого и все, что не делает его худшим, чем он есть, не делает худшей и его жизнь и не вредит ни внешней, ни внутренней стороне его существа [11,18].

Его жизнь – ничтожный миг, на протяжении которого все его страдания и переживания предстают как непрерывный источник движения и развития. То, что он получает и чего лишается, не зависит от его личностных характеристик. Все случаемое с ним заранее предназначено ему, и он не в силах этому помешать. Он способен либо стойко перебороть, либо погибнуть вместе с предназначенным.

Взаимоотношения человека с обществом строятся на принятии или непринятии идеологии совместной жизни и общей деятельности. Поскольку все люди рождаются друг для друга и умирают для того, чтобы освободить место другим, одиночество противоестественно. Человек как частичка общества не способен выйти за его пределы без необратимых для него последствий. Отдаление от одного есть отвержение всего общества. Это есть измена своему назначению и верная гибель. Повторное воссоединение возможно, но восстановить былые отношения и былую связь не реально. Это будут уже иные, качественно новые отношения. Другое дело уединение «в себе». Оно есть путь к самосовершенствованию и душевной благоустроенности [11,16-22].

Исследуя природу происходящего отвержения общества, Марк Аврелий приходит к следующим выводам.

Отчуждение происходит вследствие неприимчивости к действиям других, совершаемым ими по неведению и заблуждению. Только ответные благие поступки и общепользная деятельность, становятся благом и для него самого, и для блага Целого.

Необходимо разобраться в руководящем начале людей, в том, что их заботит, к чему они стремятся и чего избегают.

Настоящее зло коренится не в помыслении и в действиях других, а в их понимании и трактовке. Оно есть то, что зависит от нас самих.

Общение и единение людей естественно и неотвратимо. Как не избегают люди единения, все же им не уйти от него, ибо природа сильнее их. Легче поэтому найти нечто земное, не соприкасающееся ни с чем земным, нежели человека, не находящегося в общении с человеком [11,48-54].

Никакие мысли человека о себе не идут ни в какое сравнение с утверждением других о нем. Последнему человек придает особое значение, делая его первостепенным при определении своих поступков и мыслей.

Итак, следует любить все происходящее с тобой, стойко переносить выпавшие на долю несчастья, не поступать ни против своей воли, ни в противоречии с общим благом. Счастлив же тот, кто уготовил себе благую участь. Благая же участь – это благие склонности души, благие стремления, благие дела [11,23-28].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что осмысление взглядов на проблему

счастья крупнейших мыслителей прошлого позволит нам избежать многих ошибок при его определении и трактовке в последующем.

Литература

1. Карцева Л.В. Счастье как социологическая категория // Вестник КТУ: Т.15. №1; М-во образ.и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-та. – Казань: КНИТУ, 2012. – С.208-210.
2. Ловчев В. М. У истоков европейской алкогольной и безалкогольной традиций (алкоголь и другие психоактивные вещества в гомеровской Греции, XI-VIII вв. до н.э.) // Вестник Казанского Технологического Университета. – Казань: Изд-во КНИТУ 2012. – Т. 15, № 22. – С. 174–181.
3. Лурье С.Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. – Л.: Наука, 1970. – С.366-378.
4. Платон Апология Сократа// Платон Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Пер. с древнегреч.— М.: Мысль, 1990.— С.70-97.
5. Платон Горгий // Платон Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Пер. с древнегреч.— М.: Мысль, 1990.— С.477-575.
6. Платон Пир // Платон Собрание сочинений в 4 т. Т. 2/Общ.ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч.— М.: Мысль, 1993.— С.81-134.
7. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека // Составление и перевод с польского Л. В. Коноваловой. Предисловие и общая редакция доктора философских наук профессора Л. М. Архангельского. – М.: ПРО-ГРЕСС, 1981. – 367с.
8. Сенека Луций Анней О блаженной жизни. Историко-философский ежегодник '96. – М.: Наука, 1997. – С.40-64.
9. Сенека Луций Анней Нравственные письма к Луцилию/ Перевод и примечания С.А. Ошерова. - М.: «Наука», 1977. – С.9-12.
10. Луций Анней Сенека О скоротечности жизни. Историко-философский ежегодник '96. - М.: Наука, 1997. - С.16-40.
11. Марк Аврелий Антонин Размышления/ Перевод, статья и текстологические примечания А.К. Гаврилова. – СПб.: «Наука», 1993. – 248с.
12. Философский энциклопедический словарь// Под редакцией ак. Л. Ф. Ильичева, ак. П. Н. Федосеева, д.ф.н. С. М. Ковалева, д.ф.н. В. Г. Панова. - М.: «Советская Энциклопедия», 1983.— С.667-669.
13. Эпикур Главные мысли // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общая редакция и вступительная статья проф. М. А. Дынника. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С.216-217.
14. Эпикур Письмо к Геродоту // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общая редакция и вступительная статья проф. М. А. Дынника. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С.182-184.
15. Эпикур Письмо к Менекею // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общая редакция и вступительная статья проф. М. А. Дынника. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С.212-216.
16. Эпикур Письмо к Пифоклу // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общая редакция и вступительная статья проф. М. А. Дынника. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С.209.